

Надежда
Нелидова

Жених с криданым

Надежда Нелидова
Жених с приданым

«Издательские решения»

Нелидова Н. Г.

Жених с приданым / Н. Г. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966886-8

Настоящие мужчины с непростой судьбой, они в ответе за планету Земля и за своих женщин. Если даже назовут любимых курицами — так это в порыве любви. Жалко же их, дур. Что бы они без мужчин делали?

ISBN 978-5-44-966886-8

© Нелидова Н. Г.
© Издательские решения

Содержание

ДОСТАВКА САХАРА НАСЕЛЕНИЮ	6
ИЗ ОКОШКА «ТАНЮХИ»	11
БЕЛЛА ДОННА	16
ГОСПОЖА СУДЬЯ	20
ДОЛДОН ИВАНЫЧ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жених с приданым

Надежда Георгиевна Нелидова

© Надежда Георгиевна Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6886-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОСТАВКА САХАРА НАСЕЛЕНИЮ

Ольга Анатольевна не любила зеркал. Проходила мимо них стремительно, создавая за собой сквознячок. По ее мнению, зеркал в их квартире было больше необходимого раз в двадцать, хоть балет-классы открывай.

Без зеркал не могла представить свою жизнь дочь Ольги Анатольевны, девятнадцатилетняя Наташа. Зеркала каждую секунду напоминали Наташе, чтобы она ни на миг не расслаблялась, ходила натянутая как струнка.

С ее фигуркой, как у Венеры Боттичелли, этого не трудно было добиться: покатые, бесильно опущенные, как у подбитой птицы, плечики, фарфоровая чаша живота, выглядывающая из-за толика. Изумленно распахнутый взгляд прозрачно-виноградных глаз и припухшие, как от поцелуев взасос (а может, и от поцелуев, пора уже) верхней губки.

Свои длинные волосы после ванны на ночь она заплетала во множество косичек. А утром распускала и несла на голове упруго подрагивающее золотое чудо на обозрение смертным.

За волосами она ухаживала самозабвенно, за волосами – и ногтями. Выпадение волоса или поломка розового ногтя для нее равнялось вселенской катастрофе, становилось поводом для тихих глубоких слез. Ольга Анатольевна умилялась, но умиление маскировала под грубоватыми окриками. Сама она стриглась коротко, и даже после дорогой парикмахерской ее вихры выбивались из модельной стрижки, по-мальчишески своевольничали.

Ольга Анатольевна выросла в деревне. Рабочей силой в их маленькой семье были она да мать. Малолеткой таскала на себе навоз, картошку, дрова. Оттого, наверно, выросла коренастой, плечистой, по-мужски срубленной книзу: ни талии, ни бедер, ни попы. Вся ушла, втянулась в могучие плечи и бюст. И росту Бог не дал, но держалась прямо, подбородок вскидывала высоко, на собеседников смотрела с прищуром.

Ходила всегда на самом высоком каблуке, даже дома носила босоножки на огромной платформе. Вот и сейчас шла в струящемся шелковом халате, стреляла пробковыми подошвами, как гейша.

В коридоре домработница Люда тащила огромный красный чемодан: через два дня семья собиралась на Сейшелы. Люда тоже была похожа на Венеру, но похуже: тощенькая такая, пожившая Венерка. И хотя рассказывают всякое об отношениях домработниц с мужьями, Ольга Анатольевна в пику, демонстративно могла позволить себе молодую и интересную домработницу.

Хотя это еще вопрос, об интересности. Если в женщине важна изюминка, то в Ольге Анатольевна отборного, сочнееюшего изюму был заложен пуд. Иначе разве предпочел бы в свое время толковый (и самый успешный, как позже выяснилось) парень на их экономическом факультете высокомерным городским студенткам маленькую деревенскую Олечку?

ОЛЕГ сидел в постели, опираясь на подушки (он приболел), разговаривал по телефону. Когда закончил переговоры, жена пальчиком протолкнула таблетку в мохнатый мужнин рот, налила в чашку из термоса дымящееся какао.

В полутьме спальни работал телевизор с почти выключенным звуком. Шли новости: показывали бегущих людей, нагромождения бетонных плит и скрученной арматуры, крупным планом – перекошенное от плача лицо косматой женщины в сбившемся платке.

Хорошенькая дикторша была в продуманном трауре. Значит, очередной террористический акт.

– Колючий какой... Олег, вот тебе новость. Ты только не волнуйся, хорошо? У тебя сердце... Наташка замуж собралась. За грузчика, – добавила она поспешно.

– За кого, за кого?!

– За грузчика сахара. Доставка сахара населению.

Интересно, откуда в их доме взялся грузчик сахарного песка?! Да все эта вертихвостка Люда. На выходные отпросила шофера (с которым у домработницы давние шуры-муры), чтоб увезти матери в деревню мешок песку перед осенним подорожанием. Вышла какая-то не сосы-ковка, она выпросила у Ольги разрешения постоять ее мешку в прихожей до вечера.

Ну вот. Сама, конечно, куда-то усвистала, и дверь молодому грузчику открыла Наташка. Они поболтали и вечером договорились встретиться. А утром она сообщила матери, что выходит замуж. Да, за грузчика. Нет, все обдуманно, решено и обжалованию не подлежит. Если не сейчас, то никогда, на всю жизнь останется старой девой. Так и сказала. Ты же знаешь ее характер.

Их маленький кактусеныш Наташка... Светловолосая, с высоким чистым лбом, пушистая, колючая, как детеныш кактуса. Пугает, топорщится, а колючки мяконикие. Недотрога, мужененавистница, брезгуша...

– Бред какой, – сказал Олег. Его обычно непроницаемые глаза быстро мигали за стеклами. – Ты его видела?

– Представь себе, видела. И поняла Наташку.

– Бред какой. И ты туда же.

Да, туда же... Когда она открыла дверь на звонок, и громадного роста и сложения юноша учтиво сдернул кепку и прижал ее к груди, к коричневому вельвету старой куртки...

То ли вот этой штопаной вельветовой курточкой, то ли особенным старомодным манером зачесанными кзади волосами, то ли еще чем – он показался ей довоенным мальчиком: из тех, что ушли в июне 41-го и погибли в первой волне.

Ольга Анатольевна пригласила его в гостиную, поговорила. Он, запинаясь, рассказал, что живет с мамой-инвалидом. Поступил в институт на учителя-физика. Вечером учится, днем подрабатывает шофером и грузчиком в фирме «Доставка сахара населению». – Тяжело, наверно? – сочувствовала Ольга Анатольевна.

– Да нет, привык. В первое время здорово уставал, зато бицепсы накачал без дорогих тренажерных залов...

Слушая, она все больше укреплялась в мысли: Алеша будет ее сыном.

– Попомни мое слово, Олег, Наташка вытащила лотерейный билет. Это чудо, промысел Божий, что, вращаясь среди этих нынешних козлиных кругов – там даже у девушек голоса козлиные – она встретила Алешу.

ОЛЕГ вел себя так, будто ничего не произошло. Но она-то видела, что произошло, еще как произошло.

Тяжеловес Олег и до этого по утрам мучился одышкой. Теперь у него в кармане завелись какие-то пилюли, он их то и дело незаметно забрасывал в рот и сосал, причмокивая. На расспросы жены отвечал, что это новейшие израильские витамины, подкормка для сердца.

Между прочим, недавно их приятель, тоже кряжистый, крупный, прямо на рабочем совещании, в кресле поник головой и на глазах у всего коллектива в одну минуту почернел. Сердце. Тьфу, тьфу...

Ольга Анатольевна взяла на себя все: загс, свадебную вечеринку, перерегистрацию авиабилетов.

Вечеринка задумывалась в загородном отеле, почти законспирированная: приглашались гости самые проверенные, близкие – немного, человек тридцать. Себе Ольга Анатольевна сказала: "Если все у молодых сложится хорошо, то ситцевую и все последующие свадьбы сыграем по-человечески».

Паршивка Наташка, сославшись на дела, даже платьем не интересовалась. Равнодушно сказала, лишь бы было по фигуре. Удачной оказалась фата: хрупкий веночек из флердоранжей, с будто стусившимся позади розовым шлейфом воздуха.

С ХРУСТАЛЬНЫМИ туфлями, завернутыми в бумагу, она вошла в спальню к дочери – и остолбенела. Наташка, которой через три часа в ЗАГС, сладко спала, обняв подушку, растянувшись длинным телом по диагонали кровати.

– Ой, перепонки лопнут, – сказала тело после трехминутного непрерывного Ольгиного ора. – Папа не хотел этого брака, пусть радуется: его не будет. Ну почему сразу «что случилось». Ничего не случилось.

Ольга Анатольевна начала перечислять, вернее выкрикивать имена приглашенных и суммы, потраченные на вечеринку. Один торт из засахаренных роз обошелся страшно сказать во сколько! А предполагаемая дорожка, усыпанная лепестками роз (на самом деле это будут лепестки увядших пионов, но неважно). Только после этого тело соизволило зашевелиться. Дочь буркнула: – Мам, ты бы хотела остаться без внуков? Чтобы твоя единственная дочурка вышла замуж за бесплодного?

По очереди выпростала из-под одеяла нескончаемые ноги, не торопясь влезла в халат. Неохотно рассказывала «про это».

Все было замечательно ровно до той поры, пока Наташке не надоело целоваться и обниматься (не детский сад), и она спокойно не расправила вот эту самую кровать. Это она была спокойной, чего не скажешь об Алеше: он краснел-бледнел, у него ходуном ходили руки, и просто буря в душе клокотала.

– Чего ты хочешь? Это ты у нас академии прошла, а мальчик, может, в первый раз... – Ольга Анатольевна раздражалась и говорила так грубо, как никогда до этого не позволяла себе говорить с дочерью.

– Мамуля, ты мне дашь договорить?!

Так вот, у него, как она и предполагала, в абсолютно раздетом виде оказалась потрясающая фигура. Причинное место – подходящего по размеру фигового листка не найдешь, просто Давид, садись и лепи скульптуру. Но вместо того чтобы совершать подвиги, доставлять девушке райское наслаждение, доказывать, так сказать, соответствие формы содержанию, он снова инфантильно тискается и целуется..

– Ну, правильно. У него воспитание, четкое представление, что можно, а что нельзя до свадьбы.

– Господи, даст мне эта женщина сказать до конца или нет?!

Итак, он доводит ее поцелуями до исступления, до точки кипения, после чего поворачивается спиной – и засыпает!! Она ему спину до крови коготками исцарапала – спит!!

– Да ведь у него работа адская! Человек еле ноги приволок, о подушке мечтал.

– Да нет же, мамуля.

Утром она поговорила с ним откровенно и подробно, как врач. Он признался, что у него давно с этим проблемы.

– Может, первая брачная ночь? Растерянность, такое часто бывает... – предполагала Ольга Анатольевна.

Нет, нет и нет. Он назвал болезнь, это у него на почве поднятия тяжестей с детского возраста. Слишком рано занялся доставкой сахара населению. Типа грыжи, но что-то хуже и серьезней. И хватит об этих мерзостях, фу. В общем, его поползновения пролезть в богатенькую семейку были вовремя пресечены. И слава Богу, и не будем об этом.

Ольге Анатольевне больше было незачем оставаться в спальне. Она посмотрела на торчащие из серой бумаги хрустальные туфли, выронила их на пол и вышла.

– Только, пожалуйста, без истерик, ладно? – успела крикнуть вслед паршивка.

В полутьме спальни мерцали два экрана: телевизора и ноутбука. Олег, посапывая, молниеносно стучал по клавишам.

По телевизору показывали горы, низко висящие тучи. На носилках тащили солдата, который не кричал и не бился, а это плохой знак. Неподалеку, обнимая себя за плечи, сидел другой солдат: сущий цыпленок с измученно полуоткрытым клювиком-ртом.

Он прятал дырявый ботинок и взгляд от настырной кинокамеры, морщился, пытаясь скрыть слезы, потому что мужчины не плачут. И по тоскливым детским глазам видно было, что он хочет согреться, смертельно хочет спать и хочет жить, но знает, что ни первого, ни второго, ни тем более третьего государство ему не гарантирует.

– Олечка. Почему так? Почему одним все, а другим ничего?

Дождь забарабанил по жестяным сливам сильнее.

Скоро осень, призыв. Алексея заберут в армию. Студент вуза – не причина, министр обороны лично объявил охоту на студентов. Парализованная мать – не причина, сдадут в дом престарелых. Импотент – не причина, даже хорошо. Все помыслы не о девках, а о Родине. Не нужно подмешивать в кисель бром, или что они там подмешивают, чтобы солдаты не думали о девках? Она почему-то не сомневалась, что Алексей попадет в горы.

– Потому что каждому свое, – Олег неохотно оторвался от ноутбука. Понажимал кнопки пульта.

Серо-белые документальные кадры сменились мультяшно-ярким клипом. Море и небо были ультра-синими, пальмы – ядовито-зелеными, загорелые люди – как шоколадки фабрики «Рот Фронт». На палубе яхты возлежал в шезлонге некто из попсы мужского пола, облепленный десятком соблазнительных полуголых девочек. Они, быстро работая розовыми язычками, жадно и шаловливо облизывали белое безволосое тело поп-звезды.

Олег прокомментировал:

– И тому, и этому по девятнадцать. Скорее всего, этот – ничтожество, червь, а тот, в горах – Человек. Но так распорядилась судьба. Суд Божий.

...Откуда в городе вечно берется грязь? Ольга Анатольевна с тоской смотрела в окно. Завтра их лайнер взмоет, пробьет серебристым обтекаемым телом облака из грязной ваты, и зависнет над ослепительными арктическими снегами и торосами из чистых небесных облаков. Кондиционеры погонят почти альпийский воздух, отовсюду будет слышен негромкий английский и французский... Мрак, грязь, мелкие копошащиеся люди, спящие туда-сюда машинки с надписью «Перевозка сахара населению» останутся внизу. Каждому свое. Таков суд Божий.

...Через день весь мир обошли кадры с места авиакатастрофы, случившейся у Сейшельских островов. Показывали с высоты птичьего полета тяжелое радужное масляное, рваное по краям пятно. На ближних кадрах – обрывки пластиковых пакетов. Рядом плавали лодки с худощавыми туземцами, у которых были непривычно празднично уронены копченые руки, похожие на салами.

Возможно, они представляли себе женщину, чья босоножка на огромной пробковой подошве качалась и подпрыгивала в ультра-синих волнах. Кто-то пытался палкой с крюком выловить ее, но босоножка с ноги нежной белой женщины весело ныряла и удалялась в центр Тихого океана.

СЕМЬЯ Ольги Анатольевны и подружившаяся с ней в отеле американка-миллиардерша тоже смотрели телевизор. Было много шума, недоверчивых ахов, безумных вскрикиваний. Американка лопотала по-своему, Наташка бойко по-английски объясняла ей, что это был тот

самый рейс, с которого они поменяли билеты. Поменяли из-за одной романтической истории, из-за влюбленного в нее юноши.

Американка таращила глаза и эмоционально кричала: «O my god!» На ней был страшенький свитер, похожий на грязный застиранный чулок. Ольга Анатольевна смотрела и не понимала этих миллиардеров.

– Если бы не Алеша, мы бы все погибли, – сказала она и заплакала. Но, вспомнив про куриный лапки над скулами, которые в первый же день выбелил загар, интенсивно, до самых висков стала наносить крем.

– В этом заключалась его миссия появления в нашей семье, – предположила Наташка.

– Не ожидала в тебе столько бессердечия.

– Пожалуйста, не ссорьтесь хотя бы здесь, девочки, – попросил Олег.

ИЗ ОКОШКА «ТАНЮХИ»

Впервые Серёга узнал женщину в шестнадцать лет, в детдоме. Это была уборщица, тридцатипятилетняя разведённая женщина с ленивым, вальяжным именем Нева. На ней он узнал, какие мягкие и волнистые волосы бывают у женщин, какое податливое атласное тело...

И потом он думал: какое же острое, острое как остриё иглы наслаждение его ждёт, когда любимая девушка боязливо и трепеща, а не опытно и уверенно, отдастся ему... У него во рту пересыхало, когда он об этом думал, засыпая на солдатской шконке.

Права он получил ещё до армии, на гражданке сразу устроился в таксопарк. Ездил на битой «волге», прозванной напарником, лысоватым дядькой, в честь любовницы «танюхой». А Серёга, засыпая на жиденькой койке в съёмной комнатке, продолжал мечтать о встрече с необыкновенной девушкой.

Из окна «танюхи» он видел их, выходящих из сумеречных мрачных, отделанных гранитом зданий консерватории и университета: будто жемчужинки выкатывались из чёрной потухшей пасти спящего дракона.

Спускаясь по старинным выщербленным ступеням, они держались пряменько, изящно и узко, точно ожившие статуэтки. В руках покачивались плоские чемоданчики или футляры со скрипками, соперничающими тонкостью талий со своими ладными хозяйками.

Ни на Серёгу, жадно пялящегося на них из окошка «танюхи», ни на кого-либо из встречных, студентки не смотрели. Они вообще никуда не смотрели: шли, целомудренно опустив мохнатые ресницы и нахмутив строгие стрелочки бровей. Господи, чего бы ни дал Серёга, чтобы его полюбила такая девушка, такая ангел-девушка!

Приходя домой, они, наверно, скидывали свои стеклянно-прозрачные блузки и тесные аскетические юбочки, распускали чистые волосы, надевали мягкие благоухающие пижамки... Гладили какого-нибудь развалившегося на ковре громадного, с телёнка, дога... Пообедав неземной пищей, приготовленной домработницей или мамой-домохозяйкой – непременно выпив, в соответствии с мысленным Серёгиным условием, чашечку кофе, величиной с ноготок, садились к фортепиано...

Именно так и должно быть у оживших фарфоровых статуэток: невозмутимо, ясно и чистенько. Он бы и обращался с такой девушкой, как с хрупким произведением искусства, которое при малейшем соприкосновении с грубой шероховатой жизнью даст трещинку, разобьётся вдребезги, погибнет.

Но Серёга реально оценивал свои возможности. Ангельским созданиям никак не подходил парень в китайском свитере и дешёвых джинсах, который снимал угол и таксовал в машине с именем чужой любовницы. Они проходили мимо, как шла мимо жизнь, а он провожал их взглядом из окна «танюхи» и иногда ударял кулаком по баранке.

Отдуваясь, пассажир плюхнулся на заднее сиденье «танюхи», утирал лоснящиеся губы платком и поглядывал на подъезд. Оттуда вышла женщина в шубе до пят и каракулевой папахе. Задрав голову и придерживая папаху, послала кому-то чмокающие звуки – воздушные поцелуи.

В машине оба враз качнулись, когда Серёга тронул машину. Ему хорошо было видно в зеркало солидно упакованных пассажиров. Не кричаще, не для показухи (сверху, скажем, норка, а под ней застиранный свитерок), а основательно упакованных. Они были богаты уверенным, прочно вошедшим в их быт богатством, которому вовсе не требовалось кричать о себе во всё горло.

В ушах женщины качались прозрачные камни. Она подымала худую руку, чтобы поправить крашенный пук волос, и Серёга слышал головокружительный запах французских духов,

и мельком видел длиннющие акриловые ногти – с такими коготками посуду не помоешь. Старая накрашенная ведьма, звякнув тусклым золотым браслетом, вынимала какое-то удивительное портмоне – щёлкал замочек, и раздавалась тихая мелодия.

Муж и жена, похожие на близнецов – хотя она была долговяза и тоща, а он – упитан и мал ростом – сидели, отвернувшись друг от друга. У обоих были замкнутые лица, оба были недовольны собой ли, друг другом ли, всем ли белым светом.

Выходя из гостей, они в прихожей, наверно, разыгрывали благополучную любящую пару. Он предупредительно, с озабоченным лицом надевал на неё шубу и целовал, будто украдкой, в крашенные волосы возле крупного уха с серьгой, в коричневый узелок бородавки под ухом, хотя ненавидел и волосы, и бородавку.

А она с деланной досадой шлёпала его по губам, отлично понимая, что он ненавидит её всю: с ушами, бородавкой и серьгами, и ненавидела взаимно ещё больше.

– Юбилей называется, фу!

Он промычал что-то. Потом она ещё сказала:

– Ключи не оброни, ради бога.

– А когда я ронял?! – раздражённо огрызнулся мужчина.

– С тебя станется.

У «сталинского» дома на улице Ломоносова, у первого подъезда она выскочила и пошла, не оглядываясь, к подъезду. Мужчина оставил крупную купюру, при этом губы у него брезгливо отвисли. Буркнул: «Сдачи не надо». И этим сказал: «А, получайте своё, свиньи».

Серёга добавил деньги к пачке, упиханной в «бардачок». Отъехав на стоянку, заметил парня с девушкой. Они нерешительно поглядывали в его сторону и, склонившись головами, подсчитывали в ладонях мелочь. Они очень долго считали, и Серёга успел соскучиться.

Скучая, поглядывал на первый подъезд «сталинки». Все окна светились, только на третьем этаже были темны. Вероятно, это была квартира супругов. Сейчас там зажётся свет, опустятся шторы. И муж с женой, оставшись в четырёх стенах, с облегчением скроются каждый в свою скорлупу. Он, наверно, включит телевизор. Она в спальне будет снимать золото и любовно укладывать его в хрустальную ладью.

...Девушка с парнем закончили, наконец, свои подсчёты и подбежали к заждавшейся «танюхе»:

– К «Центральному» кинотеатру!

Серёга с места весело рванул застоявшуюся машину, так что пассажиры от неожиданно упали на сиденье, нечаянно обнялись и рассмеялись. Всю дорогу они шептались и прискакали. Парень пытался целовать девушку. Серёга для них тоже был частью машины, но уже по той причине, что они были поглощены исключительно друг другом.

Когда расплачивались (денег хватило едва-едва), девушка вытащила из складки плюшевого чехла связку ключей:

– А вот кто-то обронил.

– Дайте их сюда. Оставил какой-то рассеянный с улицы Бассейной.

– Ой, как же они без ключей! – беспокоилась девушка.

– Ничего, сдам в стол находок.

Парень с девушкой, взявшись за руки как пара фигуристов на льду, заскользили к нарядному входу. Серёга не завидовал парню. Ничего не скажешь, парень, хороша твоя избранница, но... не то. Видно было, что она из простой семьи, и образование имеет среднее специальное, не выше. Ей далеко было до Серёгина идеала, как земному грубому цветку – до далёкой холодной звезды. Слишком она была круглолица, румяна во всю щеку, открыта и проста – такую не надо оберегать и кутать от жизненных сквозняков.

Ключи тускло поблёскивали и едва слышно звякали при толчках на переднем сидении. Серёга припомнил сегодняшних пассажиров. Потеряй ключи кто-нибудь из первых, следую-

щий пассажир заметил бы и сказал. Заметили и сказали последние: парень и девушка. А перед ними была неразговорчивые супруги. Муж вертел что-то бренчащее на пальце. Потом жена ему сказала: «Не оброни ключи, с тебя станется».

Теперь он знал, почему так долго не зажигалось окно на третьем этаже. «Танюха» уже ушла, когда, как заяц, выскочил во двор жестоко изруганный, запыхавшийся мужчина в расстёгнутом пальто...

Серёга прирулил к «сталинке» на Ломоносова. Поднялся на третий этаж, долго звонил в восьмую квартиру – здесь, по его расчетам, не зажётся свет. Никто не открыл пухло обитой, в золотых гвоздиках, двери. Мужчина, куривший на верхней площадке, крикнул:

– Зря звонишь, парень. Они к родственникам уехали ночевать.

Серёга в трамвае возвращался домой. Связка ключей тяжело, приятно оттягивала карман. Теперь можно было рассмотреть их, как следует. Он испытывал странное беспокойство и то прятал ключи в карман, то снова вынимал их...

Ключей было пять, все нанизаны на тонкий жёлтый обруч. Три больших ключа – явно от входной двери, и ещё два миниатюрных ключика – такими открывают пеналы, подзеркальники, шкатулки...

У студенческого городка, у аллеи из берёз и ёлочек голосовала одинокая девичья фигурка. Две пушистые светлые косы, серая шубка, серые глаза. Всё верно: серые. Голубые – наивно, зелёные – вульгарно, карие – слишком просто.

Это была Она. За полгода работы Серёга впервые подвозил такую девушку. Если они и садятся в такси, то исключительно с мамой, в крайнем случае, в стайке подружек.

– В университет, поскорее, – надменно приказала девушка.

Серёга выжал из «танюхи» всё, на что старушка была способна. Такую безумную, с заносами, с визжанием тормозов гонку вряд ли видел когда-нибудь на своем веку город.

Когда «танюха» пронеслась в сантиметрах между шарахнувшимся к обочине заморённым «жигулёнком» и «КРАЗом», негодуяще взрепевшим и потопившем их в клубах чёрного дыма, девушка сзади жалобно вскрикнула.

У Серёги самого тело сотрясилось от глухих крепких ударов, и лоб был в испарине. Зато появилась возможность обернуться к девушке. Куда подевалась её надменность, она была ошеломлена. Оба сначала улыгнулись, а потом вдруг затряслись от смеха и хохотали долго, расслабленно, до слёз.

– Это я виновата... У нас преподаватель такой вредный. Опоздаешь на минуту – просит закрыть дверь с другой стороны.

Будь это обыкновенная девушка, можно было изумлённо воскликнуть:

– Такую хорошенькую девушку – и за дверь?! Убивать таких преподавателей надо!

Ах, как скучно и пошло было с обыкновенной девушкой! Серёга установил зеркало так, чтоб были хорошо видны серые глаза. Через пять минут «танюха» стояла у университетского корпуса. Ну, вот и всё. Его сероглазая Судьба с пушистыми косами сейчас выйдет и, не оглядываясь, скроется навсегда.

– Меня зовут Сергей, – дрогнувшим голосом сказал он. – Как зовут вас?

– Если вам это необходимо, то – Наташа. До свидания.

И это верно. Такую девушку должны звать именно так: Наташей или Юлей, или Олесею. Оксаной – тоже неплохо. Но Наташа – лучше всех.

– Простите, – с отчаянием заговорил Серёга. – Как я могу найти вас?

Что-то такое было в его голосе, не похожем на обычное приставание. И парень так непохож на однокурсников: под старым свитером угадывались развитые спортивные плечи, красивые большие руки покойно лежали на баранке, точно изваяны из одного куска. Наташа пожалала плечиком:

– Завтра в шесть вечера у меня последняя пара.

У него дыхание перехватило. Он сразу ошалел от неслыханной удачи, стал болтливым, развязным. Выскочил из машины и забормотал, загораживая девушке дорогу:

– Наташечка, вы не смотрите на эту консервную банку, – он небрежно пнул «танюхино» колесо. – Мог бы на своей «мазде» таксовать, да жалко, – бог знает, зачем он всё это врал...

Она уже нетерпеливо, досадливо топала сапожком:

– Хорошо, хорошо... Отпустите же мою руку.

И пошла быстро, скрипел снег под крутыми снегуркиными каблучками. Нехотя отворилась на тугих пружинах и захлопнулась высокая чёрная дверь. Жемчужинка вкатилась обратно в пасть алчного дракона.

Серёга бухнулся на сидение. Лицо у него было чернее тучи. Он погиб. Зачем, кто сейчас его заставлял врать про «мазду»? Ведь она и так, в сущности, сказала: да, я согласна встретиться. Окажись под рукой нож, так бы и исполосовал проклятый, бездумно шлёпающий во рту мокрый кусок мяса, именуемый языком.

В десятом часу утра, когда пустеют дома и дворы, Серёга подъехал к дому на Ломоносова. Оставил «танюху» на стоянке у соседнего дома. На скамейке мумией сидела древняя старуха, укутанная в плед.

Вот знакомая дверь в золотых гвоздиках. Ключи были зажаты в кулаке. Остановившись перед дверью, зачем-то понюхал пальцы: они крепко, кисло пахли нагретым железом. В ладонь выплюнул жвачку, залепил подсматривающие соседние «глазки». Выбрал самый большой ключ и тихо поднёс к скважине. Ключ не подошёл, то же он проделал с другими ключами. Ни один из них при этом не звякнул – Серёга подивился своей ловкости. Тут только он обратил внимание на свежую жестяную заплату на двери: замки были сменены!

Как он не сообразил: хозяйева, теряя ключи, сразу меняют замок! Оставалось отдать связку – именно с этим он шёл сюда, разве не так? За дверью едва слышно (как в бункере) звонок пропел «калинку».

Тихо. Муж точно на работе – такие пухлые живчики любят проявлять должностное рвение. Но вот слышались шаги. Блеснул жёлтеньким и погас «глазочек». Начали открываться запоры: что-то скрежетало, звякало, звенели и падали цепки. Точно сейф отпирался.

– Что нужно? – из-за цепочки насторожённо смотрело худое, блестящее от крема лицо мегеры.

– Вы меня не помните, – бормотал Серёга в щель между дверью и косяком, потряхивая, как дурак, перед носом женщины ключами. – Вы в такси оставили, – и умоляюще протягивал связку, и всё потряхивал ею.

Она узнала таксиста. Пропихивать увесистую связку в узкую щель было неловко. Мегере пришлось, наконец, скинуть цепочку. В это время за её спиной зазвонил телефон. Она, не успев взять упорно протягиваемые ключи, схватила трубку – ждала звонка.

Серёга украдкой огляделся. Прихожая была очень просторная, на полу лежал толстый пушистый ковер. За дверью ванны была сильная струя воды – на хозяйке был надет купальный халат до пят.

– Только не надо капать мне на мозги, – цедила она в трубку.

Она одна в квартире, решил Серёга. Интуиция его никогда не подводила. Он точно знал, что женщина в квартире одна.

Мегера, разговаривая, совсем отвернулась. Хорошо, что не оглядывалась: не приведи бог, если бы она видела сейчас его лицо. Серёга схватил её за твёрдую шею, другой рукой обнял сзади худое туловище, так чтобы её локти, как у солдатика, оказались плотно прижатыми к бокам, и поволок в ванную.

Ванна была до краёв полна водой. В запотевшем зеркале вместо своего лица Серёга увидел налившееся тёмной кровью пятно.

Непонятно, откуда в тщедушном теле бралось столько силы. Андрею не только с ним, с самим собой приходилось бороться: с готовым выскочить из рёбер сердцем, с дрожащими и позорно слабеющими руками.

Он надавил на её голову и погрузил в ванну. И не удержал: с такой силой, взболтнув воду, вырвалась голова. Он увидел в зеркале мокрое безумное лицо с хватающим воздухом ртом, но поймал голову и снова окунул. Навалился на её переломленное пополам, взбрыкивающее тело в задравшемся халате, на голые худые ягодицы, и держал до тех пор, пока судороги, сотрясавшие её и его тело, не затихли, и руки перестали бессильно ползать под водой и ощупывать и опираться о дно и стенки ванны.

Серёга поднял обмякшие ноги и перекинул в ванну – вода вскипела, хлынула через край. Халат на её спине вздулся пузырьём, по нему гулко застучала струя воды. «Так вот как это бывает, – думал он. – Так вот как это бывает...»

Поживи, посопровствуйся жертва ещё минуту – и под победное гоготание сама утопила бы в ванне Серёгу. Сам убийца был едва жив. В желудке что-то живое корчилось, ворочалось...

– Только этого не хватало, – услышал он как сквозь вату вскрик. Утопленница, отнеся от уха трубку, всматривалась в его лицо. – Да его рвёт! Господи, ковёр! Тата! Нажрутса с утра... Тата же!

Вдруг появилась девушка в пушистом халате. Он ничуть не удивился, узнав Наташу. Напротив, её появление здесь было продолжением естественного хода событий.

– Опохмелиться захотел, вот и припёр с ключами... Тата, отверни ковёр – изгадит. Алкаш! – она куда-то пошла. Под халатом энергично двигались худые ягодицы, за которые он только что заталкивал её в воду.

Когда Наташа, переглянувшись с мегерой, взяла ватку с нашатырём, он со злобой, слабо ударил её по руке, ватка упала на ковёр. Грязно выругался, хотя ни в школе, ни в армии не матерился. Кажется, стало чуть легче.

У подъезда опустил на скамеечке рядом со старухой, чей плед был уже густо припорошен снегом. Рукой копнул шершавый серый наст, вынул пригоршню льдистого снега. Начал прикладывать ко лбу, пока по лицу не потекли ледяные струйки, потом стал жадно кусать его.

Старуха пошевелилась и сказала:

– Кошки гадят на снег. Разве можно исть снег-то?

Машина с именем чужой любовницы преданно ждала его на стоянке.

БЕЛЛА ДОННА

- «– Мур-мур-мур, малышка!
- Муррррр, любимый!
- Чем занята, любимая? Ты сытая? Иди в душик.
- Ксюшка спит, я в кровати, родной.
- Давай спи, любимая, мы трещать можем до утра.
- Усё, сплю. Сладких снов! Позвонишь?
- Не хватает тебя на плечике... Ты моя любовь».

Виртуальное влюблённое воркование. Можно подумать, чатятся семнадцатилетние голубки, на худой конец – молодожёны. А они уже в возрасте, у Татьяны шестилетняя дочка от первого брака, которую Григорьев любит как свою, хочет удочерить.

Как они познакомились. Начинаящая бизнесвумен Татьяна по объявлению пригласила программиста. Пришёл Григорьев. Григорьев в прошлом боевой офицер, служил в горячих точках. Там получил травму глаза, росла опухоль. Татьяна серьёзно переживала за его здоровье. Когда случались приступы, дежурила у постели, бросалась в аптеку за лекарствами – была для него скорой помощью.

Григорьев трогательно за ней ухаживал, выгуливал её собаку... Он трижды делал ей предложение, она трижды отказывала. Слишком разочаровал первый брак, после которого она решила, что надеяться в жизни можно только на себя саму. А с мужчинами... так, допускать лишь лёгкий флирт.

Да и Григорьев не казался тем человеком, с которым можно разделить судьбу. Когда предложила просто жить вместе, не расписываясь – от отчаяния загредел с микроинсультом в больницу. Следствие всё той же боевой травмы. Сердце дрогнуло: может, это и есть любовь, о которой пишут книги, снимают кино?

Татьяна – успешная 26-летняя предпринимательница. Начинала с нуля, с челночных баулов, с распространения косметики по конторам. На дверях контор красовались ксерокопии – образец плоского офисного юмора: «Вход с грязными ногами, с собаками, а также дистрибьюторам и дилерам дамского белья и косметики строго запрещён! Штраф 500 000 рэ!!»

Вот так: им что собака, что дилер... Сейчас у Татьяны свой уютный магазинчик, пусть крохотный, пусть на окраине города – доживём и до сверкающих салонов на центральных улицах. Освещённые мягкой розовой подсветкой, в стеклянных витринах толпятся флаконы с туалетной водой, коробочки с кремами и макияжем известной итальянской фирмы. Под ногами пружинит ковролин, пахнет изысканными духами и хорошим кофе, которым угощают постоянных покупательниц. Над входом неоновая вывеска «Белла Донна», что значит: прекрасная госпожа.

Татьяну за глаза называют Белла Донна. На таких бешено обращают внимание: роскошная, высокая, статная. Распахнутые серо-зелёные глаза, модные крупные, припухшие губы. Ухоженная, молочно-белая, точно излучающая сияние кожа. Блузка туго, соблазнительно обтягивает высокую грудь.

Королева в короне ослепительных белокурых волос. К таким мужчины побаиваются подойти: слишком опасно, гордо, вызывающе несут они свою красоту. И именно такие чаще всего бывают страшно одиноки, потому... Потому что ни кому в голову не придёт, что королевы могут быть одиноки.

В тот злополучный майский вечер Григорьев получил от Танюшки подряд две смс-ки, чтобы не терял её – уезжает по делам на пару дней. К Татьяниной подруге тоже примерно

в это же время пришло сообщение: «Еду выгулять Кошу». Кошей Татьяна называла свою новую машину. Дома она так и не появилась ни через пару дней, ни через неделю, ни через месяц. Телефон не отвечал.

Григорьев сходил с ума, звонил теще и Ксюше – не знают ли, где Танюшка? После того, как отнёс заявление в милицию, места себе не находил. На одном из допросов ему стало плохо: второй микроинсульт. И нет рядом его скорой помощи, его Танюшки, его Прекрасной Госпожи.

По городу расклеивались листовки, группа в соцсети ВКонтакте объявила поиск. Волонтеры прочёсывали пригородные леса, обочины объездной дороги.

Примчавшаяся из соседней области Татьянина мать повела себя странно. Упала перед зятем на колени: «Ради всего святого, скажи, где её тело?!»

Она прекрасно знала подложку их отношений. Знала, что зять может о себе наврать с три короба – да так вдохновенно, что нельзя было не поверить. Что служил в горячей точке, а в какой именно – не мог назвать. Да нигде он не служил, его из-за бытовой травмы глаза и в армию не брали!

Артистично разыгрывал спектакли: когда перед самой свадьбой Татьяна хотела забрать заявление, шантажировал её, обещал покончить с собой, инициировал инсульт... Его в дверь – он в окно. И всё-таки, не мытьём, так катаньем добился своего. Однажды позвонил с вокзала: ему плохо, документы и деньги украли. Она привезла его к себе домой – так он остался там жить.

По словам мамы, Татьяна успешно трудилась, хорошо зарабатывала, содержала семью. Григорьев практически сидел на её шее – так, калымил по мелочам, слесарил в авторемонте. В основном тратил деньги на игровые автоматы. Ревновал, шпионил, надоедал.

У Григорьева трое несовершеннолетних детей от двух первых браков, официального и гражданского. Алименты не платит, прячется от судебных приставов. Единственное: купил ребёнку подержанную коляску за 500 рублей.

Григорьеву предложили провериться на детекторе лжи: он отказался.

– Мур-мур-мур, малышка!

– Мурррр, любимый!

– Не хватает тебя на плечике. Ты моя любовь...

С чего всё началось? По мнению Григорьева, с того, что жена, его Прекрасная Госпожа, его переросла. Он, в замызганной спецовке, по-прежнему копался в железяках в гаражах, а у Татьяны бизнес шёл в гору. Поездки в другие города, семинары, обмен опытом. Новые перспективы, новые интересы, новые знакомые. Строго сверкнёт в сторону Григорьева зелёными глазами: «Сначала верни долг» (действительно, брал 400 тысяч и расписку давал). Или: «Ты обещал сделать мне рекламу за 13 тысяч. Ни денег, ни рекламы».

А себе, небось, купила «Аккорд» шоколадного цвета. Блондинка в шоколаде.

Взломать Татьянину страничку ВКонтакте не составило труда. Подозрения не обманули: у Татьяны был другой мужчина. Правда, между ними ещё ничего «такого» не было. Татьяна ждала шестого числа – на шестое у неё был назначен развод с Григорьевым. Она пока официально замужем, хотя давно не живут вместе – и изменять мужу не намерена. Праведница, выискалась! Тварь, тварь!

При случае – это был не первый раз – ревизовал у жены телефон. Пока её не было дома, стащил свидетельство о браке, Ксюшкино свидетельство о рождении, Татьянин паспорт – всё, что ей понадобится для развода. Пускай побегает, восстанавливая документы. Выкрал её газовый пистолет, спрятал в бане на даче.

Однажды Григорьев превозмог злобу и унижение, попросил друга сесть жене на хвост. У Татьяниного дома (она снимала квартиру, она же служила её офисом) тот увидел во дворе две стоящие милой парочкой, как ворона и гнедая лошадки, «форд» и «аккорд», пофыркивающие, с закрученными «хвостиками» голубоватых дымков. Татьяна пересела в «форд», они с водителем стали целоваться. Потом обе «лошадки» выехали из двора. Знакомый, после кружений по городу, потерял их у Дома моделей.

Григорьев давал другу ещё наводки: лови их у кафе «Кофе семь», у «Мамы пиццы». На правах пока что ещё «законного мужа» ворвался к жене, закатил грандиозный скандал, обещал сжечь «форд», к чертям собачьим.

Вопил о якобы групповом сексе, который Татьяна замышляла за городом, в сауне:

– Это не откровения твоих дружков?! «Воображаю, как мы с другом вдвоём в твоей пушистой киске...»

Психиатр предупреждала Татьяну, что была готова к нервным срывам у мужа.

Как вспоминает подруга. Они вместе с Татьяной перекусывали в кафе. Зазвонил Танин мобильник. Она взглянула на высветившийся номер, вздохнула и вышла поговорить на улицу. Вернулась помрачневшая, расстроенная, бледная. Сказала, что срочно едет домой улаживать очередную истерику: звонил Григорьев. Грозил, что если немедленно не приедет, выложит про неё мерзкие гадости в интернете, подмочит репутацию её бизнесу.

Татьяна вообще в последние дни ходила грустная, сильно похудела. Однажды написала Григорьеву электронное письмо – горькое, тихое откровение усталой, измученной женщины, пытающейся урезонить, образумить, достучаться в Григорьеве до человеческого:

«...Опасаясь за Ксюшу. Нас от тебя защитит некому, несмотря на всё, что ты мне приписываешь. Я просто одинокая беззащитная женщина с ребёнком. В этом письме не будет ни упреков, ни оскорблений. Читай спокойно. Единственное, о чём прошу – не отвечай, пожалуйста. Я тебе была верна душой и телом, пока жила с тобой.

Я на самом деле опасаясь тебя и твоей изощрённой жестокости. Поэтому не хотела встречаться и привозить Ксюшу. Что взбрѣдет тебе в голову в следующий момент и на чём переклинишь тебе на этот раз? А убивать ты умеешь профессионально...»

Они встретились в её съёмной квартире-офисе. «Между нами всё, всё кончено, как ты не понимаешь?! Мелкий воришка, пакостник, нет в тебе ничего муж...»

Татьяна не закончила фразу, широко раскрыла глаза, заметив в его руках кухонный нож. Она, сильная и крупная, долго с ним боролась, сломала ему руку – другой, здоровой рукой он нанёс ей удар в живот.

Соседка снизу слышала душераздирающий крик «А-а-а», длившийся минут пять. Иногда крик переходил в стоны, приглушался, как будто рот кричавшего зажимали рукой. Потом раздался грохот в углу, как от падения чего-то тяжёлого на пол. И сразу стало тихо. В ванной пустили на всю мощность гулкую струю воды.

Припёртый к стенке Григорьев заюлил. Да, между ним и Танюшкой был скандал, закончившийся, как обычно, страстным сексом. Танюшка очень темпераментная в постели, кричит и стонет так страстно, что неудобно от соседей. Потом она, естественно, пошла в душ, а он отправился домой.

Так он будет врать на следствии. А сейчас лежал, навалившись на бьющееся сильное тело и зажимая рот Татьяны, пока она не умолкла. Надо было что-то делать, избавляться от улики. Уликой было тело Татьяны.

Перетащил в ванну, вспорол платье, снял чулки... До этого он видел в деревне, как разделяют забитых животных. На Танюшку ушло часа два. Выносил в туго завязанных мусорных мешках, складывал: часть в багажник, часть на заднее сидение. Завязал и вынес окровавленное платье, сланцы, полотенца, вешалку, меховые игрушки для кошек – всё, что было запачкано кровью. Это заняло две ходки туда и обратно. Консьержка отреклаась: она не видела из своей каморки ни-че-го! Может, в туалет в это время выходила. То есть входившую несколько часов назад Татьяну она, конечно, заметила: такую броскую, эффектную красоту разве не заметишь? А вот Григорьева не видела.

Он тщательно почистил, помыл квартиру, придирчиво осмотрелся: вроде всё в порядке (всё-таки криминалисты обнаружат кровавое пятнышко). На телефоне жены выскочил вопрос от подруги, что-то вроде: «Как дела?» Ответил от имени Татьяны: «Еду кататься на «Аккорде». С её же телефона на свой послал две смс-ки, типа, не теряй меня, я задерживаюсь. После чего телефон разломал и выбросил, проезжая мимо придорожной свалки. Позже экспертиза доказала, что при пересылке сообщений мобильники территориально находились рядом.

За городом Григорьев отъехал подальше от большой дороги, остановился на берегу реки. Прихваченные с собой кирпичи привязал к мешку. Заплыл на глубину, оттолкнул мешок на стремнину, но верёвки скользили, отцеплялись.

Тогда он вернулся в город, заехал к другу за лопатой. Друг удивился, что Григорьев мокрый: май ещё, купаться холодно.

– Зачем тебе лопата?

– Мать попросила накопать в лесу земли для огорода.

– Так она же, лесная, неплодородная...

Однако лопату дал. Когда Григорьев её возвращал, из багажника пахло сыростью, водяной гнилью. Друг подумал: наверно, после мойки.

Григорьев ехал в леске и, один за другим, оставлял мешки по ходу движения, прикапывая дёрном, закидывая прошлогодней листвой. В прямом смысле сеял Таню в землю.

Остальное увёз за деревню, остановился у кучи опила. Набрал из колонки воды в полторашку, омыл то, что было Таней. Запомнились длинные серебряные серьги – Танины любимые. Серьги качались, позванивали, цеплялись за мокрые пряди – и были живее её лица. Сверху, прежде чем закопать, положил её светлую сумочку – укрыл всё это занавеской от ванны.

Утром заехал к своей маме, попил чаю с блинами. Поставил за Танюшку свечку в Храме – вот, всё совершил по-человечески, почти по христианскому обряду.

На работу приехал в гипсе. Объяснил, что при ремонте машины сорвался ключ, сломал ему руку. С собой привёз банковскую карту жены и попросил знакомую снять с неё деньги: четыре раза по 25 тысяч. Сам-то в гипсе не может. Жена уехала, а деньги позарез нужны.

На следствии, подробно рассказывая, как расчленил жену, для чего-то поспешно уточнил:

– У неё и грудь не настоящая – импланты.

Как будто это могло являться смягчающим обстоятельством: вот, мол, какие они, бабы, фальшивые насквозь, душой и телом – дурят нам, мужикам, головы. Как будто даже сейчас хотел пачкануть, выцепить Татьяну грязной ручонкой. Достать оттуда, где она ценой жизни освободилась от него.

ГОСПОЖА СУДЬЯ

...Почти сказка о Золушке. Принц (внук олигарха, благородное воспитание, девственник, Петя Ростов и поручик Ромашов в одном флаконе) по уши втрескивается в девочку из провинции.

Золушка, та ещё штучка, загоняет Принца под башмачок – хрустальный не хрустальный, но от Гуччи. Транжирит мужнино наследство налево и направо, бьёт дорогие авто, по утрам заявляется из клуба нанюханная – а он ждёт, прощает и лечит её от зависимости.

Под конец жёнушка борзееет настолько, что тащит в суд заявление: будто бы муж подверг её насильственным действиям сексуального характера, статья 131 УК. Обвинение было настолько сыро и тупо состряпано, что рассыпалось на первых пунктах.

Золушка не угомонила: закрутила роман с шофёром и заказала ему Принца за 5 тысяч \$. В последний момент шофёр струсил и сдал подружку с потрохами в полицию.

– Посмотри на меня, – с тоской сказала Вера Принцу. – Я умнее и добрее её в тысячу раз. Во мне скопилось море нежности. Я покажу тебе, как умеет любить женщина...

Вера сказала это про себя, потому что в это время сидела за судейским столом в жёсткой широкоплечей мантии. И, чтобы не компрометировать самый гуманный суд в мире, дала Золушке пять лет общего. Принц всё время сидел у клетки, не отрывая глаз от жены. Всё у него было готово, чтобы немедленно ехать в какую угодно Сибирь, лишь бы рядом. На зоне Золушка не теряла времени: отчаянно крутила любовь с начмедом и заочно училась на юриста.

В просторном холле Дома Правосудия, в глубокой, интимно подсвеченной нише, посетитель встречала Фемида с завязанными глазами. Мрамор – как тающая полупрозрачная свеча. В прекрасных античных, хотя и слегка непропорциональных руках – весы с чашами и короткий карающий меч. Живописные складки хитона точно застыли на мгновение, чтобы опять ожить, встрепнуться, заструиться при ходьбе на упругих стройных ногах.

У вертушки дремал охранник Джафар, беременный месяцев на восемь с половиной. Если здание суда захватят террористы, он, пыхтя, цепляясь кобурой, будет долго выпрастывать живот из-за стойки. И не выпростает.

Коридор, слева туалет с кодовым замком: только для работников суда. Справа дверь, поблёскивающая толстой золотой табличкой «Президент гильдии адвокатов Земляникина Н. Е.»

В полуотворённую дверь видно, как, после очередного посетителя, хозяйка кабинета укладывает купюры в красное портмоне, щёлкает блестящей застёжкой красной сумки. Всё у неё дорогое, броское, из яркой натуральной кожи: папки, визитница, пальто на плечиках, кресло.

Земляникина – эффектная полная блондинка, ей идёт красный цвет. Земляникина и есть та самая Золушка. Принц спился, постарел. Она его пока терпит. Про неё говорят: «Не баба, а водка с махоркой».

Земляникина выучилась благодаря благосклонности тюремного начальства и мужниным деньгам. Вере надеяться было не на кого: не на мать же, продавщицу сельпо, которая робела строгой молчаливой дочери. Самой приходилось выгрызать место под солнцем. На курсе её прозвали «стойкий оловянный солдатик».

– У вас нет желания поменять фамилию? – сочувственно сказал декан, когда группа меняла паспорта. – Вашу фамилию, в некотором роде, могут не понять, э-э... при вашей работе. Достаточно сменить одну букву, – подсказал он. – Скажем...

– Нет!! – жёстко сказала Вера. – Умные поймут. А в угоду дуракам унижать память отца...

– Вы девушка с сильным характером. Вы многого добьётесь в жизни, – задумчиво сказал старый декан. На выпускном при вручении диплома он (был мал ростом) привстал на кончики башмаков, обнял любимицу. Она шепнула в пушистое обезьянье ухо: «Спасибо. Вы были мне вместо отца». Сколько лет прошло с того вечера...

Вера поднялась в лифте, прошла по ковру. Толкнула дубовую дверь с золотой табличкой «Верховный Судья Блат Вера Павловна».

На столе секретаршей всё приготовлено: дымится чай с лимоном, мерцает включенный ноутбук, топорщится закладками папка с материалами очередного дела на пересмотр. Наезд, причинение смерти по неосторожности, статья 105 УК.

Город, в обрамлении спальных микрорайонов. Частный сектор: зелёные палисадники, узкая дорога. Фонарей нет, тротуаров тоже. Жители микрорайона терпели, помалкивали, привычные, что у государства на них никогда нет денег.

В тёплую июльскую ночь с дискотеки возвращались парни и девчата, восемь человек. Шли по обочине цепочкой, пританцовывали, подпрыгивали от молодости, болтали. Вынырнувший на скорости 150, джип вынесло на обочину. Восьмерых детей расшвыряло как горошинки, в радиусе пятидесяти метров. Ни одного выжившего.

Земляникина своей упругой высокой грудью ринулась защищать обвиняемого. Доказывала, что молодёжь была под градусом (с дискотеки – да без градуса?) Экспертиза выявила: прозрачные как стёклышки, хорошие, домашние ребята. Земляникина нашла свидетелей: мол, ребята сами нарушили ПДД, сунулись под колёса – следствие не подтвердило, и свидетели оказались липовые.

Районный суд дал водителю семь лет условно. Ай да Земляникина – это с восьмью-то трупами! Родители погибших, оправившись от шока, подали кассацию на имя Верховной Судьи Блат Веры Павловны, известной своей неподкупностью и несгибаемостью.

Вера листала дело. Неуместно нарядно поблёскивали подклеенные в дело фотографии с места трагедии. Снова и снова возвращалась к фамилии преступника. Это был декан юридического факультета, которому она сказала: «Вы мне вместо отца».

Вера вышла из лифта – золотая табличка: «Только для работников суда».

– Читать не умеют, – сообщила в пространство секретарша районного судьи Ивакина.

Одышливые, насмерть перепуганные самим фактом нахождения в суде старухи продолжали топтаться у лифта. Секретарша Ивакина досадливо, по слогам процедила: «Толь-ко для су-да! Кому ещё непонятно?»

Брезгливо, на расстоянии вытянутой руки (брысь, нечисть!) – очертила вокруг себя невидимый мистический круг. Старухи поняли и отступили за черту, как неприкасаемые. Сквозь образовавшееся чистое пространство секретарша Ивакина прошла в лифт и уехала в одиночестве.

Коридоры всех судов заполнены такими девушками. Посетители подобострастно вскакивают: «Девушка, не подскажете?..» Головки надменно вздёрнуты, нарисованные глазки прозрачно глядят сквозь и над толпой. Судейские коридоры – как подиумы для мисс Вселенных. Тома уголовных дел перекинуты через локотки изящно и небрежно, точно норковые шубки.

Все – чьи-то дочери, все обучаются заочно юриспруденции и набираются судейского опыта. Вера Павловна представила, что совсем скоро эти деревяшки будут вершить человеческие судьбы – и дурнота подступила к горлу... Недавно устроившаяся буфетчицей деревенская деваха Валя, глядя на них, тоже подала документы в институт, «где, эт самое... Ну, штоб судить людей». Смех и грех.

В буфете подсел Психолог Плюс. Так Вера звала про себя детского психиатра из экспертной комиссии. Интересный мужик, умница, глаза в насмешливых, сумасшедших морщинках. Волосы, спадающие на плечи чеканной тяжёлой серебряной чернью.

– Единственная столовая в городе, после которой не бунтует моя изжога, – поделился Психолог Плюс. – Мой гастрит – тоже своего рода эксперт.

После обеда предложил:

– Госпожа судья! Как врач, советую после обеда совершить моцион в вашем судейском садике. Очень способствует пищеварению.

– Единственный садик в городе, после которого не бунтует ваш эксперт хронический бронхит, – усмеялась Вера. Она поняла, что Психолог Плюс хочет сообщить нечто, не предназначенное для чужого уха.

Под скамейкой ноги уютно погрузились в одеяло из сухих невесомых, звонко шуршащих листьев. Хотелось по-ребячьи забарахтаться, забить в них ногами.

Из шёлкнувшего портфеля была извлечена и легла на Верины колени распечатка.

– Результаты повторной экспертизы по делу дантиста Носкова. Наш Серый Кардинал (так он звал судью Таисию Прокофьевну) доверился заключению вчерашней практикантки. Первый же тест развалил первое заключение в сухую. Вера Павловна, советую быть предельно осторожной. Вы недооцениваете Таисию Прокофьевну. Она мстительна, её тактика: работать на опережение. Зять и муж у неё не последние люди в Системе. Пошатнут чей угодно стул.

Прощаясь, Психолог Плюс чуть крепче сжал Верину ладонь, чуть дольше не отвёл взгляд.

– Служебный роман? – предложил его твёрдый грустно-насмешливый взгляд.

– Конец карьеры? – закончили смеющиеся Верины глаза. Она крепко, товарищески тряхнула его ладонь и поспешила в здание.

Дело Носкова, статья 132 УК. Сексуальное преступление в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии.

Жила семья: мама, две маленькие дочки трёх и пяти лет, и их отчим, дантист Носков, второй муж. Первый ушёл, не выдержал взбалмошности жены. Носков привязался к удочерённым малышам. Но и его допекло, подал на развод. Жена, пообщавшись с адвокатом Земляникиной, обвинила мужа в педофилии. Девушка из судмедэкспертизы подтвердила факт многолетнего насилия отчимом над детьми.

(– Вас папа обнимал, целовал?

– Тя-а...

– В ванне спинку, попку намыливал?

– Тя-а... И т. д.)

Медицинская экспертиза, действительно, обнаружила следы вторжения в нежное детское лоно. Старейшая судья Таисия Прокофьевна, пылая от гнева, приговорила похотливого самца к семнадцати годам колонии строго режима и конфискации имущества в пользу истицы.

Вера Павловна видела дантиста, когда его по коридору вёл конвой. Лицо у того было буквально вывернуто наизнанку от нечеловеческого, животного ужаса. Глаза вытаращены за интеллигентными дальнозоркими очками. Вот что может сделать из человека месяц нахождения в камере СИЗО, где с ним каждую ночь поступали, как, по зэковскому кодексу чести, положено поступать с насильниками маленьких детей. Впереди – он уже подсчитал – семь тысяч двести пять таких ночей. Количество добровольных ночных палачей придётся помножить на количество шконок в бараке...

Друзья Носкова подали на кассацию. Как раз из отпуска вернулся Психолог Плюс. И на первом же простом, примитивном тестировании, в первые же пятнадцать минут выяснил: изнасилования не было. Не было изнасилования. Были девочки, часто оставляемы дома одни (папа на работе, мама клубилась в клубах и бутиках). Девчужки часто играли «в больницу»,

с въедливой пытливостью исследуя особенности девчоночьей физиологии, в том числе при помощи подручных игрушек. Такое у безнадзорных малышей – сплошь и рядом.

Трудно представить, что огромная, неколебимая, как скала, внушающая ужас рецидивистам Таисия Прокофьевна под жёсткой величавой мантией носила уютную вязаную кофту. Она обвязала многочисленных внучат и половину судейского состава. Если бы существовало звание «Заслуженная вязальщица России» – оно, без сомнения, принадлежало Таисии Прокофьевне.

Через месяц ей на пенсию. В актовом зале Дома Правосудия пройдут торжественные проводы. Из Москвы прибудет Большое Официальное Лицо, которое прикрепит орден к огромным каменным грудям Таисии Прокофьевны. В ресторане заказан банкетный зал.

Если Верховная Судья Блат В. П. вынесет оправдательный приговор по делу дантиста – это скандал, ЧП. Ни о каком приезде Официального Лица, прикалывании ордена и персональной пенсии не может идти речи.

У Таисии Прокофьевны – гипертония и климакс. Прямо среди заседания она багровеет и чернеет, хватает воздух ртом как рыба, пьёт воду графинами, комкает процесс. Вера подозревает: в такие минуты решение выносится от наспех загадываемой цифры, вроде года рождения или даты совершения преступления: чёт – нечёт. Чёт – осудить по полной, нечёт – дать послабление. Или наоборот. Лишь бы скорее закрыть эту бодягу, доползти до кабинета, залечь в норе, отлежаться.

Да одна ли Таисия Прокофьевна? Опытные адвокаты – та же Земляникина, – тщательно ведут календарики критических дней у судей-женщин (а таковых – три четверти судейского состава). Правдами и неправдами укрывают своих подопечных от оправления правосудия в дни месячных недомоганий, когда у судейских дам бушует естественная гормональная стихия... А сама Вера Павловна? Когда разводилась, узнав об измене мужа, кричала по ночам в подушку – всеми фибрами души ненавидела похотливое вонючее волосатое племя. На пушечный выстрел не следовало допускать её в то время к процессам над преступниками-мужчинами... Но кто за неё возьмёт её работу, суды завалены делами.

И снится Вере Павловне сон. Поле, и Верочка в этом поле бегают, резвятся. И вдруг видит будку, похожую на телефонный автомат. Будка опутана проводками, проводками, над ней горят буквы «СУД». И Верочка думает: «Какая странная будка, я никогда не видела такой странной будки».

И слышит Верочка голос, прекрасный, как у Монтсеррат Кабалье – нет, в тысячу раз прекраснее:

– Люди поняли несовершенство суда человека над человеком и изобрели робота – судью. Видишь, Верочка, как умно придумано. Подсудимого усаживают в кресло перед монитором. Микрочип, вживлённый в мозг человека, в мельчайших подробностях передаёт картинку преступления. Не надо свидетелей, понятых, следователей, адвокатов и уж, прости, Верочка, – суд тоже упразднён. («Правда, чрезвычайно удобно, Верочка?» – «Правда», – соглашается Верочка).

Вот здесь вмонтирован калькулятор: он приплюсовывает отягчающие обстоятельства, отнимает смягчающие, подбивает дебет-кредит. Из прорези, похожей на дисковод, – видишь, Верочка? – ап! – выползает распечатка с готовым приговором и печатью. Из судопроизводства полностью исключён человеческий и административный фактор».

И думает Верочка: «Как это удивительно разумно продумано. И как же люди жили до сих пор и не додумались до такой простой полезной вещи?»

И снова Верочка радуется, резвится. И видит: к будке тянется длинная очередь. А из будки разбегаются много узких, маленьких очередей. И для каждой приготовлены решётчатые вольеры.

– Вот здесь, Верочка, – звенит меццо-сопрано, – здесь так называемые «колоски». Это безграмотные тёмные люди, которые ценят свою и чужую жизни дешевле колосков и топчут и вырезают друг друга под корень.

А это, Верочка – это те, кто ножей и топоров в руки не брали, но их руки по локоть затоплены в крови. Видишь даму в вечернем платье? («Да, – отмечает Верочка, – красивая дама, и совершенно роскошное платье. Ах, если бы мне такое платье, а к нему прюнелевые башмаки от Королёва!»)

– Робот-судья, – продолжает дивный голос, – подсчитал, сколько стоят её платье, бриллианты, автомобили и перевёл эти деньги в хлеб, в молоко и в лекарства. Далее он извлёк из памяти статистику, сколько людей умерло без этих хлеба, молока и лекарств. Даме предъявлено обвинение в непреднамеренном убийстве. Всего получилось 227 взрослых человек и 904 ребёнка.

И Верочке уже не хочется ни красивого платья, ни прюнелевых башмаков от Королёва.

– А видишь этих элегантных господ? – продолжает голос. – Им инкриминируют хищения в особо крупных размерах, злоупотребление доверием, предательство... На их счету миллионы не рождённых и преждевременно умерших людей. Робот-судья признал их виновными в групповом предумышленном массовом убийстве, совершённом с особым цинизмом и жестокостью. За такое ещё и казни не придумано.

И снова Верочка прыгает, резвится. И видит вольер с открытыми воротцами, и там много понурых несчастных людей. Даже по их опущенным лицам видно, что это исключительно деликатные, порядочные и законопослушные люди. Но отчего они даже не делают попытки выйти на волю?

Голос, будто прочитав Верочкины мысли, говорит:

– А это, Верочка, преступники, которые МОЛЧАЛИ.

– Разве это преступление – МОЛЧАТЬ? – удивляется Верочка.

– Это самое страшное преступление, Верочка. Помнишь сбитых на обочине детей? Будь малая малость: пешеходная дорожка – они остались бы живы. Но родители МОЛЧАЛИ. И теперь им казнь на всю жизнь – смерть их детей.

И тут Верочка замечает, что одна осталась перед красной будкой, и дрожит...

Она просыпается, смущённо потирает щёку с отпечатками клавиатуры.

– Вера Павловна, – секретарша с бледным лицом раскладывает на столе свежий номер «Сплетницы» – известной жёлтой газеты. Во всю обложку броский заголовок: «ПЕДОФИЛ СКРЫВАЛСЯ ПОД МАСКОЙ ЭКСПЕРТА-ДЕТСКОГО ПСИХИАТРА!!!» Чуть ниже: «ВЕРХОВНАЯ СУДЬЯ В ЛЮБОВНОЙ СВЯЗИ С РАСТЛИТЕЛЕМ МАЛОЛЕТНИХ!!!»

И – снимок крупным планом: сблизившиеся лица Веры Павловны и Психолога Плюс – там, в садике. В тот миг, когда он глазами спросил: «Служебный роман?»

ДОЛДОН ИВАНЫЧ

«Нет, каков изуверский способ гражданского уничтожения! Людей ставят в позу из Камасутры! Касса на автовокзале – низенькая щель, амбразура, в которой просматривается лишь туго обтянутый платьем живот кассирши. Чтобы заглянуть в окошко, нужно согнуться в три погибели и выпятиться особым похабным образом: по-русски говоря, стать раком. И так всюду: в больницах, на почте, в присутственных местах. Прорезают окошки на уровне колен: чтобы посетители невольно отвешивали поясной поклон. Откуда это, с какого крепостного времени?»

С такими сердитыми мыслями Зеня входил в междугородний автобус и располагался в удобном кресле. Вообще-то его звали Женя, Евгений Иванович. Но однажды по телевизору показывали фильм «Особенности национальной охоты». Там шепелявый, сюсюкающий финский актёр смешно искажал имя переводчика. И вот сначала коллеги, а потом знакомые дружно переименовали Женю в «Зеню». Очень остроумно. Дебилы. В смысле, не актёры, а знакомые – дебилы. Хотя и те хороши.

Автобус мягко тронулся. Хороший автобус, немецкий, высокий, поблёскивающий красным лаком, как огромный леденец. Пешеходы поглядывали с завистью на пассажиров-счастливых, карабкающихся на верхотуру. Может, им казалось, что это едут заграничные туристы. Зене тоже хотелось так думать. Он даже зеркальные солнцезащитные очки нацепил – чтобы окончательно походить на заграничного туриста.

Ехать предстояло долго – три часа. В середине пути он сойдёт в своём городке, а автобус поедет дальше. Зеня откинул кресло и прикрыл глаза. И сразу над ухом щёлкнуло и взвилью радио «Шансон» – водитель врубил на полную мощность.

Вот тебе и цивилизованный автобус. За границей-то: кому нужна музичка – пжалте наушники. А другие, может, поспать в дороге хотят. Хотя у нас, хэ-х! Оставь наушники в свободном доступе... Мигом стырят.

Зеня взглянул на панель над головой: там весело светились и мигали разные зелёные и красные огоньки, штучки, регуляторы, тумблеры. Начал крутить всё подряд, пытаясь уменьшить звук.

– Я те покручу, – многозначительно пообещал водитель в микрофон. Он давно наблюдал Зенины действия в зеркале. – Самому ведь откручу. Деятель.

Зеня отвернулся к окошку. Стоило платить за билет полтысячи, чтобы всю поездку быть насилуемым в жестокой, особо извращённой, противоестественной форме. Громким шансоном через уши. Всю дорогу обдумывал текст письма автобусному начальству – ёрзал, елозил. Даже давление немножко подскочило.

И ведь остальные пассажиры сидят, терпят. Труссы. Быдлота. Зеня полез в портфель, вырвал из блокнота листок. Пожевал, скрутил подобие берушей. Заткнул уши. Всё равно слышно.

Нет, ну не быдло? Ведь сидят все, злятся. Молча переваривают, психуют. На блатной этот шансон, на поклоны в окошки, на прущее отовсюду хамство. Молчат, наливаются злостью, а потом ка-ак плесканут накопленный негатив... Вот вам и вся причина русского бунта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.